

Дмитрий Неко

Динамическая сущность характерологии В. О. Пелевина

16+

Дмитрий Валерьевич Нечепуренко
Динамическая сущность
характерологии В. О. Пелевина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33572650

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-532-12152-2

Аннотация

Монография посвящена одной из наиболее острых литературоведческих проблем современности – проблеме характерологии В. О. Пелевина. В ней дано системное, концептуальное описание динамических типов пелевинских персонажей в их статике, описана гипотеза о синтезе поэтики постмодернизма и философии дзэн (чань)-буддизма в творчестве писателя. В книге раскрываются исторические корни характерологии В. О. Пелевина, развенчиваются стереотипы.

Содержание

Введение	4
Глава I. Характерология как литературоведческая проблема	12
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Введение

В последние десятилетия не угасает интерес к изучению проблемы человека и его характера в самых разных сферах жизнедеятельности. Действительно, природа человека, как и собственно самого мира до конца остаются неизученными официальной наукой. Что касается человека, то проблемы касаются не только собственно его биологического устройства. Не менее важной стороной является его психология, духовная деятельность. Остаётся актуальным изучение мотивов деятельности человека, установление границ его моральной и физической свободы, ответственности в самых разных сферах жизнедеятельности. В современной художественно-эстетической ситуации происходит размывание границ между философским, художественным, эзотерическим дискурсами и практиками письма.

Научные открытия последних десятилетий сильно изменили представления о мире и о человеке, усилился диалог культур Запада и Востока. «Бум» восточной культуры, охвативший Запад, Европу, в том числе и Россию, в 1960-е годы, продолжается до сих пор. Большое развитие в современных политических прогнозах получил тезис «евразийства» – особое понимание «сплава» восточных и западных ценностных ориентиров. Однако россиянам (как и европейцам) за прошедшие с тех пор пятьдесят лет удалось составить

лишь весьма приблизительное представление о сути такого культурного феномена, как «восточность», и его составляющих [68, 3]. И сегодня образовательные программы различных уровней в России на деле практически исключают обширный восточный пласт культуры. В программах по зарубежной культуре, философии, литературе наблюдается диспропорция в сторону большего изучения европейского и западного, нежели восточного. Незаслуженно остаются, например, без должного внимания классические восточные философы (Чжуан-цзы, Хуэйцзин), такие известные писатели, как Чэнь Сюанью, Ло Гуаньчжун, Ши Найань, У Чэньцзун, Цао Сюэцин и другие. Впрочем, недостаточно и несвоевременно освещаются в образовательных организациях и новые научные открытия в медицине, физике. Одним из авторов, стремящихся восполнить лакуну «восточности» в современной российской культуре, выступает В. О. Пелевин. Это яркий представитель авангарда отечественной литературы. Главные вопросы, которые В. О. Пелевин неустанно поднимает в своём творчестве, – вопросы вечные. Писатель пытается осознать единство и взаимосвязь материального тела и его окружения, понять, что такое человек, душа, бог, сознание, ум, жизнь, смерть, красота. Чем отличается абсолютная истина от заблуждения, от научного знания или от религиозной веры. В чем ценность, смысл жизни? В чём заключается развитие? Какими способами, методами познания нужно пользоваться, чтобы обрести правильное понимание ми-

ра? Эти же самые вопросы доминировали и в восточной философии с древнейших времён, причем мудрецы древности лаконично описали мир как на макроуровне, так и на микроуровне. Читатель, обращаясь к книгам Пелевина, сталкивается с преломлением восточной философской мысли. Большинство российских читателей, не имея достаточных знаний в сфере восточной эзотерики, философии, современной физики оказываются в затруднении: смыслы, формируемые художественными текстами Пелевина, ускользают от понимания. Российский читатель привык к своему классическому, традиционному «европейскому» культурному материалу, типу мышления, линейной подаче информации. Не менее важно учитывать и особенности европейского менталитета, восприятия вообще: к человеческому телу европейская культура относится как к некоему агрегату и рассматривает его отдельно от разума, духовной сферы. Представления о человеке в науке, как и его изображение в искусстве, с течением времени претерпевают существенные изменения. Для современной науки очевидно, что для объективного понимания человека и его характера, мотивов деятельности требуется их разносторонний анализ. Принципы восточной философии чрезвычайно созвучны этой задаче.

Несмотря на то, что «восточный текст» у Пелевина изучается уже достаточно давно, подробных фундаментальных исследований этой проблемы нет: критики сетуют, что не понимают произведений Пелевина [56], в статьях, работах ис-

следователей нередко наблюдается путаница в школах буддизма, зачастую отсутствуют ссылки на оригинальные восточные тексты и так далее. В нашей работе мы чётко указываем доминирующую школу буддизма, приводим цитаты из возможных первоисточников. Нахождение первоисточков мировоззрения писателя позволяет выстроить характерологию его персонажей адекватно художественному материалу. Ключевым элементом художественного мира писателя, своеобразным инструментом, средством его создания, выражения главной идеи, одновременно его предметом является главный герой. Главный герой, его определённый (устойчивый) тип характера – это исходное состояние, точка отсчёта, позволяющая развивать философскую, композиционную, сюжетную линии произведения, согласно задачам поставленной писателем цели. У В. О. Пелевина это, как правило, типичный, средний, заурядный человек, обыватель, неустанно ищущий ответы на вечные вопросы об устройстве мира и человека. К нему же они одновременно обращены, ему же самому приходится отвечать на них своим собственным опытом. Задача автора при создании героя не эффект достоверности психологии и поступков персонажа как образа реального человека, не его «констатация», но моделирование экспериментальной площадки для изучения его пограничных духовных и психофизических возможностей, решения вечных вопросов. Реальный человек в его традиционном понимании интересует писателя как некая загадка природы,

как определённый эволюционный тип, феномен, представитель нашей Вселенной. Человек (главный герой) – это то самое, что, как принято изначально считать, главенствует в мире, высшее творение природы. Писатель словно взвешивает это общепринятое представление о человеке. Каково его истинное место в мире? Главной особенностью построения образа героя у В. О. Пелевина становится процесс вовлечения читателя в поиски смысла жизни (Пути) вместе с вымышленным персонажем (главным героем). Это настойчивое вовлечение, непосредственное участие читателя и становится особенной чертой стиля писателя. Художественная организация образа главного героя, поэтика многих произведений Пелевина таковы, что позволяют читателю легко узнавать себя в современном повседневном мире или даже реально (виртуально) ощущать себя на месте главного героя. Это герой ищущий, духовный искатель. Автор надеется, что, разобравшись в проблемах его героя, мотивах поступков, читатель сможет разобраться и лично в себе самом, понять природу человека и мира вообще, выяснив, кто или что лично он сам, каков он, как взаимодействует с окружающим миром, какую роль, функцию в нём выполняет, что истинно, а что нет. Это было типично и для классической русской литературы, но В. О. Пелевин достигает эффекта непосредственного воздействия на читателя, используя другие приёмы, другую эстетику, другую философию. На протяжении многих веков литературу интересуют проблемы, связанные

с человеком: его происхождение, развитие, воспитание, границы его возможностей и устремлений. В классической русской литературе часто предпринимались попытки объяснения человека и его характера, мотивов деятельности религией, в частности христианством, социальной средой. Перед современной литературой, представителем которой является В. О. Пелевин, стоят те же вопросы. Однако прежние попытки объяснения и изображения человека и его характера во многом устарели, не дали существенных результатов в решении вечных вопросов, несмотря на то, что классическая литература представляла нам достаточное количество героев уже «знающих», нашедших свой путь. С другой стороны, современная российская культурная и научная среда испытала влияние постструктурализма, что проявилось в литературном постмодернизме и критике. Критики научились находить в произведениях постмодернизм, пользоваться его инструментарием при анализе книг. Современная научная парадигма обогатилась за счёт нового, а также извлечения забытого, либо малоосвоенного в прошлом старого, их синтеза. Творчество В. О. Пелевина является отражением этого. Исследование творчества В. О. Пелевина будет способствовать углублению представления о характерологии и её значимости для поэтики современных произведений, её возможностях в объяснении образа героя в современной литературе, покажет новый взгляд в осмыслении проблемы человеческого характера и человека вообще. Необходимо разобрать-

ся и в философском содержании характерологии. Исходя из особенностей творчества В. О. Пелевина – это постмодернизм и дзэн (чань)-буддизм. Синтез постмодернизма и дзэн-буддизма организуют уникальную характерологию Пелевина, которая демонстрирует современное понимание человека (разрушение психологического и социального детерминизма как основы создания «правдоподобного» характера). Постмодернизм и дзэн-буддизм – дают новые художественные возможности раскрытия характера. Синтез постмодернизма и дзэн-буддизма заменяет «классическую» европейскую мировоззренческую установку, предлагая новые принципы изображения человека и мир. Философские установки постмодернизма и дзэн-буддизма (критика, сатира, синтез, эпатаж) позволяют по-новому взглянуть на мир и человека в нём, демонстрируя их абсолютную идентичность. Пелевин не постмодернист, а писатель, работающий в эпоху постмодерности с присущей ей нонселекцией, размыванием границ традиционной культуры, масскультуры и элитарной культуры, то есть использует современный арсенал изобразительных средств, но в философском плане идущий дальше целей постмодернизма.

Научная новизна книги обусловлена тем, что в ней впервые представлены и подробно описаны теоретико-философские истоки характерологии В. О. Пелевина, даётся описание характерологии как системы в разборе составляющих её типов и объяснение её функционального назначения, роли

в раскрытии особенностей художественного мира писателя. Нами выведено и проанализировано четыре типа характера, описаны уникальные приёмы, специфика творческого метода писателя, позволяющая говорить о новом развитии катарсиса. Всё это должно являться условием объективного описания характерологии В. О. Пелевина.

Глава I. Характерология как литературоведческая проблема

Характер – это «совокупность всех психических, духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении; отличительное свойство, особенность, качество чего-нибудь» [169, 747]. Слово «характер» пришло из греческого языка: «charakter», суф. производное от «charasso», что означает «метить, ставить клеймо, царапать» [221, 349]. Обращение к этимологии слова «характер» позволило увидеть взаимосвязь психики человека с его физическими действиями, практический, материальный аспект (прикладную природу) психики: ту важную составляющую, которая в современном мире часто ускользает из внимания при употреблении слова «характер», так как воспринимается, в основном, только идеальная внешняя, достаточно иллюзорная сторона термина. Между тем, характер человека накладывает свой уникальный природный «генетический» отпечаток на способ его деятельности в любой сфере. Рассмотрев этимологию слова, мы подчёркиваем наличие в нём двух аспектов: идеального и практического (материального), показывая прикладную природу явления. От качеств, типа характера человека зависит формирование окружающего нас материального и духовного мира. Практически во всех процес-

сах, предметах, явлениях окружающего мира хранится след того или иного человеческого характера. Характер – это не нечто поверхностное, неуловимое, наносное, нематериальное. Это практический, деятельный дух, сила, порождающая психический, физический, материальный уровни жизнедеятельности людей, мир в целом. Природой заложено так, что за характером каждого индивидуума стоит уникальная идеологическая концепция мира, его развития и реализации, потенциально это также и реальная живая сила революционного преобразования мира. Также стоит учитывать, что в природе не существует абсолютно одинаковых людей (характеров), однако некоторые общие черты есть. Что касается искусства, литературы, то показательно, что актёров (реальных людей) для работы в кино, театре подбирают внешне и по психологическому складу похожих на героев художественного произведения (сценария). Это обстоятельство – подтверждение тому, что искусство, литература и наука выполняют одну задачу: открытие истин реального мира. Кстати, впервые постструктуралистские представления в Британии наиболее полно были разработаны в теории кино и уже потом перенесены на теорию литературы [105, 44]. Ещё со времён Гегеля типичным стало рассматривать искусство как особую форму познания реальности, как духовно-познавательную деятельность [191, 363]. Таким образом, видна связь между литературой, искусством вообще, наукой и реальным миром: все они стремятся открыть истины реально-

го мира. И составляющие литературы, её материал, инструментарий часто берутся из реальной жизни, опираются на неё. В конце концов, писатель и не сможет придумать что-либо не связанное с жизнью, так как он сам и есть жизнь, её проявление.

Термин «характер» традиционно широко используется в литературе. Художественный характер – это «образ человека в литературном произведении, очерченный с известной полнотой и индивидуальной определенностью, через который раскрываются как исторически обусловленный тип поведения (поступки, мысли, переживания, речь), так и присущая автору нравственно-эстетическая концепция человеческого существования» [146, 481]. В свете проблемности вопроса о характерологии в нашей книге, обратим внимание уже здесь на тот факт, что такие авторитетные источники, как КЛЭ и ЛЭС для примеров, иллюстраций к понятиям обращаются, как правило, только к европейским и русским писателям, почти никогда к восточным.

Возможно, первым, кто всерьёз начал изучать проблему характера, был древнегреческий врач Гиппократ, который утверждал, что люди различаются соотношением четырёх главных «соков организма»: крови, флегмы, жёлтой жёлчи, тёмной жёлчи. Преобладанием одной из них он и описывал характер человека. Повышенным вниманием к характеру человека известен древнекитайский философ Конфуций, описывающий манеры, поведение, качества характера «благо-

родного мужа» в противовес «низкому» человеку в трактате «Лунь юй». Небезызвестна, например, теория «гуморов» английского драматурга Бена Джонсона, она строится на выделении в характере героя одной особенной черты, нарушавшей гармонию личности и понимавшейся драматургом как слабость или причуда его персонажа [81]. С XIX века начали появляться научные классификации характеров и психологических типов Э. Кречмера, Л. Клагеса, К. Г. Юнга, А. Ф. Лазурского и других.

В работе «Типы темперамента» (1942 г.) У. Г. Шелдон излагает свою «конституциональную теорию» личности, в которой он выдвинул предположение о том, что по типу телосложения можно предсказать, какими личностными чертами обладает человек [68, 27]. Заметим, что и в литературе писатели при описании своих персонажей обращают внимание на внешний вид героев. По Шелдону, например, худой сухощавый тип (экоморф), скорее всего, предпочитает дистанцию, сдержанность в отношениях с другими людьми, в то время как полный человек (эндоморф) проявляет черты, обычно соответствующие стереотипу «добродушный толстяк». Индивид с развитой мускулатурой (мезоморф) проявляет сочетание личностных черт, характеризующих его как здорового, социально открытого, активного и экстравертированного. При этом он не всегда может управлять своим агрессивным поведением, чаще склонен к асоциальному поведению, чем полные или худощавые индивиды. Теория ха-

рактера Э. Кречмера и типы темпераментов по У. Г. Шелдону достаточно похожи. Эктоморф – аналог астеника, эндоморф – аналог пикника, мезоморф – аналог атлетика. Эти теории могут быть полезны при анализе портрета литературного героя. Все элементы трёх типов портрета можно проанализировать или конкретизировать через характерологию в психологии.

В. П. Руднев в книге «Словарь культуры XX века» в главе «Характерология» приводит литературные примеры типов по классификации, взятой из психологии: «Циклоид-сангвиник – добродушный, реалистический экстраверт. Это человек, находящийся в гармонии с окружающей реальностью. Он веселится, если ему весело, и грустит, если ему грустно. Когда-то этот тип играл большую роль в культуре, вероятно, начиная с эпохи Возрождения. В художественной литературе сангвиники – это Гаргантюа, Санчо Панса, Фальстаф, мистер Пиквик – все добродушные толстяки. Для XX века такой тип менее характерен. Психастеник – реалистический, тревожносомневающийся интроверт. Этот тип характерен для культуры конца XIX века. В качестве примера – герои А. П. Чехова. Психастенику свойственна повышенная порядочность, боль за других, тревожно-ипохондрическое переживание прошлого в своей душе (профессор Николай Степанович в “Скудной истории”, Червяков в “Смерти чиновника”).

Психастеник тревожно, мучительно, помногу раз прокру-

чивает уже сделанные поступки, ситуации. Тревожная психастеническая рефлексия характерна для начала XX века. Самый известный герой-психастеник в европейской литературе – Гамлет.

Истерик. Для этого типа характера свойственна демонстративность. Один из ярких истериков в мировой литературе – это Хлестаков Н. В. Гоголя. Истерик – парадоксальный характер. Это аутистический экстраверт, то есть, с одной стороны, это нереалистический характер, у него “фантастическое” представление о реальности, но, с другой стороны, он погружён не в свой внутренний мир, который у него достаточно беден, а в выдуманную им самим реальность.

Эпилептоид. Характер напряжённо-авторитарный с атлетическим типом сложения. Это крайний реалист и прагматик, экстраверт. Эпилептоидами часто «оказываются» знаменитые военачальники и политики. Бывают примитивно-эксплозивные эпилептоиды (Дикой в “Грозе” А. Н. Островского) и утончённо-дефензивные (Иудушка Головлёв М. Е. Салтыкова-Щедрина). Для эпилептоида характерна так называемая иудина маска – выражение лъстивой угодливости, которая скрывает злобу и стремление к власти. Эпилептоид – хороший организатор, но почти никогда не бывает литератором или философом. Шизотим, или шизоид (аутист). Шизоид – замкнуто-углублённый аутистический интроверт. Он во всем замкнут на самого себя. Внешний мир, как его воспринимают сангвиники и психастеники, не

существует для шизоида. Его мир находится внутри его самого, а проявления внешнего мира – символы, глубже раскрывающие структуру мира внутреннего. Весь XX век имеет шизотимический окрас. Реальность XX века как бы попала во власть аутистического мышления, она насквозь символизирована, семиотизирована, концептуализирована. Практически все значимые открытия в науке и философии, искусстве носят шизотимный характер: это и аналитическая философия, и квантовая механика, и теория относительности, и психоанализ, кино, структурная лингвистика, семиотика, математическая логика. Шизоидный характер присущ экспрессионизму, символизму, новому роману, постструктурализму, постмодернизму. Многие великие художественные произведения XX века “аутистичны”: “Доктор Фаустус” Т. Манна, “Улисс” Джойса, “В поисках утраченного времени” Пруста, “Человек без свойств” Музиля, “Игра в бисер” Гессе... Полифонический (мозаичный) характер также свойственен XX веку. Мозаика возникает в том случае, если человек переносит тяжёлую психическую болезнь (параноидальный психоз, эпилепсию). В этом случае характер человека словно расколот на куски, вмещает в себя несочетаемые черты. Примеры – Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. Ф. Кафка, перенесший серьёзную эндогенную депрессию, сочетает черты дефензивно-психастенические и шизотимные. Он подрывает экспрессионизм своей характерологической полифонией; возникает двойственность, идущая от сочета-

ния обыденного стиля с фантастичностью происходящего. Мозаичен и сюрреализм» [195].

Делая обзор понятия «характерология» в психологии, мы не выбираем какую-то одну концепцию как совершенную, образцовую, так как результаты самой психологии по проблеме характерологии так и остаются неоднозначными. Беря на вооружение какое-либо достижение, обоснование, метод из психологии и применяя его к персонажам художественных произведений, мы должны учитывать некоторую его условность. В настоящее время известно не менее шестисот теорий личности. Рассмотрим некоторые из этих теорий.

Темперамент (лат. *temperamentum* – надлежащее соотношение частей) – устойчивое объединение индивидуальных особенностей личности, связанных с динамическими, а не содержательными аспектами деятельности. Темперамент составляет основу развития характера [61]. Практически же, говоря о типе темперамента (холерическом, сангвиническом, флегматическом, меланхолическом), имеют в виду лишь одну характеристику: вспыльчивость – сдержанность. [68, 28]. Ниже приведены краткие характеристики людей в зависимости от их темперамента.

Холерик – «атакующий тип». Высокая мотивация, но короткая по длительности. Быстро «сгорает»; ярко выражено состояние предстартовой лихорадки. Холериков нельзя «передерживать» перед каким-либо заданием, стремятся закончить дело сразу. Флегматик – «контратакующий тип». Вы-

держан, вынослив, хорошо управляет предстартовыми состояниями. У флегматиков преобладает состояние предстартовой апатии. Ищет слабые места в проблеме, ситуации и использует ошибки оппонента. Похож на флегматика меланхолик (склонный к грусти, к мрачным мыслям). Сангвиник – «смешанный тип». «Техничен», в зависимости от ситуации и оппонента, может действовать, как первым, так и вторым номером. Любит «поиграть» с соперником. Сангвинику свойственны высокая динамика и скорость действий; поддерживает высокий темп на протяжении всего периода активности, вынослив [68, 28]. Зная основные виды темперамента и их особенности можно попытаться предвидеть действия людей (персонажей), выявить разнообразие их типов, соотнести их с другими качествами, поступками.

В качестве отдельного направления характерологии выделяют определение индивидуальных особенностей человека по его позе, положению тела, так как, по мнению некоторых психологов, наиболее ярко характер раскрывается в позе человека: как он стоит, как идет, как сидит и даже в какой позе засыпает. При описании характера персонажа пользуются понятием «речевая характеристика» героя. Речь – это язык нашего сознания, мимика, жесты и движения тела – это язык подсознания. Есть мнение, что характеристика человека, полученная путём расшифровки жестов – языка подсознания – точнее, так как подсознание человека не умеет врать, человек сконцентрирован больше на своём сознании.

Из психологии известно, что вербальный канал используется для передачи информации, невербальный подключается при межличностных отношениях, иногда используется вместо словесных сообщений. Любой метод классификации характеров, взятый из психологии, может оказаться полезным при анализе литературных персонажей, так как последние, в конечном счёте, являются своего рода «слепок» реального человека.

В нашей работе особое внимание мы обращаем на монографию Т. А. Касаткиной «Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций» (1996). Стоит рассмотреть эту работу в качестве примера исследования характерологии в произведениях художественной литературы. Исходная посылка Т. А. Касаткиной в том, что слова, сказанные людьми, по-разному мыслящими, даже если это одни и те же слова, могут означать совершенно разные вещи: «Взгляд двух людей с разным мировосприятием на одно и то же событие будет различным, часто противоположным. Там, где один увидит лишь низость и бессмыслицу, другому удастся обнаружить цель и смысл» [113]. Исследуя взгляд Ф. М. Достоевского на мир, исследователь выстраивает целостную систему мироориентаций всех его персонажей. Она считает, что динамика человеческой природы, видимая Достоевским, сможет быть выражена через статику и систематизацию изображённых им человеческих типов. Существенна оговорка автора, что слово «характер» в её работе не со-

всем адекватно выражает сущность эстетических категорий, выявляющуюся с «культурологической» точки зрения. Речь в её работе идёт о вещах, лежащих в самой основе мировоззрения, с одной стороны, характера – с другой. Ближе всего здесь подходит термин «миросозерцание», и для того, чтобы показать ориентирующую сущность понятия, которое отражает тип отношения человека к миру, рассмотренный как способ его отношения к ценностям этого мира, исследователь предпочитает использовать термин «ценностная ориентация». Термин «эмоционально-ценностная ориентация» более точен, так как вводит момент внелогического, эмоционального, чувственного отношения к миру и его ценностям и указывает на то, что перед нами более глубокий пласт личности, чем тот, который открывается, когда мы говорим, к примеру, о мировоззрении. Понятие «ценности» – одно из ключевых для Касаткиной, очень важно и для нашей работы – это нечто, переводящее бытие из временного плана в план вечности, нечто, имеющее отношение к бессмертию. Способ достижения бессмертия становится основанием ценностей, главной ценностью в системе конкретной эмоционально-ценностной ориентации. Само по себе это близко творчеству В. О. Пелевина. Созданная исследователем система рассматривается им не как плод исследования, но лишь как инструмент анализа текста или культурной ситуации, позволяющий выявлять вещи, при другом подходе остающиеся незамеченными или необъяснёнными, или иногда представляю-

щиеся бессмысленными либо случайными. Мы считаем, что подобный подход к исследованию характерологии В. О. Левина эффективен и плодотворен.

В заключении своей работы Касаткина высказывает предположение, что предложенная система отражает давно назревшее в литературоведении стремление вновь включить так называемую «художественную культуру» в общекультурный – бытийственный план, из которого она долго и последовательно вычленялась. Литературоведению известны многие способы подхода к литературному произведению. Но в целом их можно разложить на два: рассматривать свой предмет как нечто автономное, замкнутое, самодостаточное; рассматривать свой предмет в системе его связей с некоторым более крупным образованием («реплика» в системе культуры). Предложенный исследователем подход позволяет одновременно увидеть произведение и как «маленькую вселенную», «модель мира», и как часть общекультурного бытия, связанную не только и не столько с тем, что обычно называют «культурными ценностями», но с самим способом существования человека в мире. Это соотносимо и с нашей работой. В нашей книге также важны проблемы, поднятые Касаткиной: способ достижения бессмертия, тип отношения человека к миру, «докультурное состояние человека», однако в нашем исследовании мы не будем точно следовать выведенным Касаткиной категориям, так как их выбор, организация оппозиций в определённой степени субъективны, возможно,

произвольны.

Полезными для объективного исследования характерологии, теоретической основой исследования мы считаем труды С. С. Аверинцева, Аристотеля, М. М. Бахтина, С. Г. Бочарова, И. Ф. Волкова, Л. Я. Гинзбург, В. А. Грехнева, Д. Дидро, Н. В. Драгомирецкой, М. С. Каган, В. В. Кожина, Конфуция, Г.Э. Лессинга. Но не стоит рассчитывать на полнейшее описание характерологии В. О. Пелевина «традиционным» методологическим и теоретическим арсеналом авторитетных работ прошлого, ограничивать себя трудами только известных литературоведов, философов, психологов, так как они создавались на основе всё более устаревающих научных представлений о человеке и мире, и в целом являются развёрнутыми формулировками современных устоявшихся определений, что такое «литературный характер», «герой», «образ». Кроме того, подавляющее большинство известных авторитетных работ основано на «европейском» литературном материале и, следовательно, нельзя быть уверенным в их «избыточности» при анализе произведений восточной литературы, и, в частности творчества В. О. Пелевина, который увлечён восточными моделями человека, восточной культурой. Кроме того, известно, что общенаучная картина мира имеет тенденцию эволюционировать. Таким образом, открытия в творчестве Пелевина, в его характерологии могут оказаться довольно неожиданными, не поддающимися описанию известными понятиями, не подходить под существую-

ющие категории, классификации. До сих пор наука не может с полной ответственностью, детально обосновать природу окружающего человека мира и его самого, его характера. Речь идёт и о налаживании определённого научного метода. Возможно, то, что сейчас предлагает академическая наука, это неполное знание. В художественной форме Пелевин излагает эту мысль так: «Эпоха и жизнь были настолько абсурдны в своих глубинах, а экономика и бизнес до такой степени зависели от чёрт знает чего, что любой человек, принимавший решения на основе трезвого анализа, делался похож на дурня, пытающегося кататься на коньках во время пятибалльного шторма. Мало того, что у несчастного не оказывалось под ногами ожидаемой опоры, сами инструменты, с помощью которых он собирался перегнать остальных, становились гирями, тянувшими его ко дну. Вместе с тем, повсюду были развешаны правила катания на льду...» [15, 26].

С незапамятных времён существуют различные виды искусства, мифы, эзотерика, мистицизм, религиозные учения, метафизика – ненаучные способы постижения мира. Это тоже источники информации о мире, так или иначе уже прошедшие проверку временем, возможно, не до конца разгаданные. Принимая во внимание тяготение В. О. Пелевина к древним и средневековым восточным, эзотерическим учениям (различные школы буддизма, суфизм, цигун, каббала, мистицизм), будет целесообразно и продуктивно подключить для исследования характерологии писателя восточные

и эзотерические представления о человеке. Тематика и образы суфизма использованы Пелевиным в «Принце Госплана» (разговор Саши Лапина с Аббасом), в «Асассине» из сборника «П5: Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана». Древнекитайский оракул «Книга перемен» использовался в «Числах», в романе «S.N.U.F.F.». Древневосточной тематикой, средневековой китайской философией, её образами пестрит практически всё творчество В. О. Пелевина: буддист Гиреев в «Generation 'П'», путеводитель по железным дорогам Индии, найденный Андреем в «Жёлтой стреле» и так далее. Об этом писал и А. Немзер:

«Буддизм, теория информации, юнгианство, структуралистский анализ мифа, оккультизм, кастанедовщина – чуть не все модные интеллектуальные заморочки перепеты им на язык родных осин» [162].

Итак, мы рассмотрели такие ключевые понятия, как «характер», «художественный характер», «эмоционально-ценностная ориентация». Также мы рассмотрели некоторые важные для нас концепции характерологии: собственно психологические и концепцию характерологии Т. Касаткиной. Обращение к психологическим классификациям для нас обусловлено спецификой цели писателя – просвещением своего читателя, что заключается в необычайно сильном воздействии художественного произведения на реального чело-

века с целью изменения его характера (мировоззрения); об этом речь пойдет в следующих главах книги. Мы выяснили, что несмотря на свои успехи по отдельным пунктам, наука не может полностью объяснить сущность характера, доказать его зависимость от строения тела, контуров лица, цвета глаз и так далее. Остаётся актуальным вопрос, возможно ли определение характера человека на основании изучения его внешности? На протяжении веков связь между внешностью человека и складом его характера отчётливо фиксировалась в литературных произведениях и в изображениях великих художников. Научная психология исходит из положения, что зависимость между привычным выражением лица человека и складом его характера не является однозначной. То или иное выражение лица, складки, морщины могут иметь различные причины возникновения: причиной слегка приоткрытого рта может быть не только глупость человека, но и глухота, и больная носоглотка, и напряжённое внимание. Наиболее достоверное представление о характере литературного персонажа можно получить, проанализировав его во взаимосвязи с другими персонажами, оценить его поступки и поведение.

Термин «характер» употреблялся ещё в Древней Греции. В книге «Характеры» Теофраста, ученика Аристотеля, это слово означает людей как носителей и воплощений какого-то одного свойства, преимущественно отрицательного: «...притворщик – это такой человек, который, подходя к врагам, хо-

чет скрыть свою ненависть. Он в глаза хвалит тех, на кого нападает тайно, и соболезнает им, когда они проигрывают дело. Он извиняет тех, кто дурно говорит о нем и не сердится на своих обвинителей» [203, 23]. Подобными описаниями начинаются каждый из тридцати очерков, повествуя о том, как описываемые люди ведут себя, какие поступки совершают. Такое понимание слова «характер» тождественно позднему значению слова «тип» (схематическое воплощение одной человеческой черты в наблюдаемом извне и описываемом человеке). Человека в античности представляли преимущественно как живую вещь, всецело подвластную судьбе. Интересно мнение А. И. Белецкого:

«Самая проблема человеческих характеров не изначальна в литературном искусстве» [41, 60].

В народных сказках и героическом эпосе герои только исполнители действий, а о их характеристике не может идти и речи. Бедно, стереотипно изображавшиеся переживания полностью зависели от разворачивания событий в сюжете: сказочного героя постигла беда – «катятся слезы горячие», «резвые ножки подкосились». Ценно высказывание Д. С. Лихачёва, охарактеризовавшего жития конца XIV – начала XV вв.: «В центре внимания писателей оказались отдельные психологические состояния человека, его чувства, эмоциональные отклики на события внешнего мира. Но эти чув-

ства, отдельные состояния человеческой души не объединяются еще в характер» [148, 64].

В современном литературоведении смысловую эволюцию понятий «характер» и «тип» подробно описывает В. Е. Хализев в книге «Теория литературы». Он пишет, что в XIX веке возобладали новая концепция искусства, как познания, опирающаяся на опыт реалистического творчества. В эту эпоху преодолевались и одновременно синтезировались более ранние теории подражания и символизации. Базовые понятия этой концепции, поставившие в центр образ человека в искусстве – это тип и характер.

Слово «тип» (типическое) применительно к искусству используется, по меньшей мере, в двух значениях. В одних случаях исследователи отталкиваются от этимологии слова: «образец», «отпечаток». Это служило, прежде всего, классификаторским задачам (типы личности). Типическое при этом связывается с представлением о стандартном, лишённом индивидуальной многоплановости, воплощающем некую повторяющуюся схему. Тип в данном значении слова означает один из способов художественного воссоздания человека, воплощение в персонаже какой-то одной черты, одного повторяющегося человеческого свойства. Пример для сравнения – «живые» персонажи А. С. Пушкина, В. Шекспира и «типы одной страсти» Мольера [211, 23]. Таким образом понимаемые типы в литературе связаны с традицией рационализма XVII–XVIII вв. Соглашаясь с В. А. Грехне-

вым, Хализев считает, что такие типы присутствуют и в поздней литературе, запечатлевая «массовидное» начало в облике людей, которое насаждается цивилизацией и возрастает в жизни, все более отпадающей от культуры. Почвой для типов в литературе становятся не столько крупно выраженные проявления всеобъемлющих страстей или пороков, сколько усредненные формы того и другого, слабо тлеющая душевная жизнь толпы, виды духовной стадности («Мёртвые души» Н. В. Гоголя, произведения А. П. Чехова, рассказы М. М. Зощенко) [211, 23]. Тип может пониматься гораздо шире: любое воплощение общего в индивидуальном. Происходит некая универсализация термина.

В Новое время под характером начали понимать внутреннюю сущность человека, прежде всего то, что она сложна, многопланова, не всегда полно явлена во внешнем. Теперь писатели и поэты стали воссоздавать персонажей в качестве характеров и зачастую одновременно, как осуществляющих себя личностей (Гринев в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, Пьер Безухов и К. Левин у Л. Н. Толстого, Алексей Турбин у М. А. Булгакова, доктор Живаго у Б. Л. Пастернака). Такое понимание характера очень органично накладывается на многих главных героев произведений Пелевина: Андрей из «Жёлтой стрелы», Вавилен Татарский из «Generation 'П'», Рома из «Ампира В».

Понимание характера как социально-исторической конкретики человеческого бытия было центральным в марк-

систском литературоведении. В. Ф. Переверзев считал, что сущность искусства сводится к воспроизведению психологии и характера, свойственных определённой форме жизни; образ является проекцией социального характера, находимого писателем в действительности. Но более всего распространено смысловое наполнение слова «характер», под которым понимается не жизненная основа изображаемого, а персонаж, воспроизведённый в многоплановости и взаимосвязи его черт, и поэтому воспринимаемый как живое лицо. Это в наибольшей мере характерно для реалистического искусства XIX века. Установка на сотворение и воссоздание характеров как живых лиц в многообразии их свойств открыла искусству, особенно литературе, путь к освоению человеческого мира как индивидуально-личностного. Что касается реального человека, то в качестве полноценной личности он начинает проявлять себя, когда он внутренне независим от стереотипов и предписаний социума. М. М. Бахтин считал, что личность раскрывается только диалогически (как «ты» для «я») [37]. Человек, как личность, одновременно живёт в мире некоторых правил, которых старается придерживаться всегда. С другой стороны, он всё время в состоянии нескончаемого процесса формирования, саморазвития, самопознания; остаётся незавершённым. Делая обзор понятия «характер», Хализев пишет, что в Европе человек начал осознаваться как личность в средние века, что связано с возникновением христианства. Возникает вопрос, а что с другой –

нехристианской половиной мира, когда там человек начал осознаваться как личность?

Различные концепции типизации, укоренившиеся в XIX веке, современные исследователи считают односторонними, так как они не охватывают всех форм художественного освоения реальности. Хализев также отмечает, что «внехарактерность» совсем иного рода присуща многим произведениям последних столетий. Мир человека в литературе «потока сознания» постигается как нестабильный, аморфный, чуждый какой-либо определённости. К примеру, Г. Гессе в романе «Степной волк» оспаривает традиционную реалистическую литературу, в которой каждое лицо – чётко обозначенная и обособленная цельность, называет соответствующую эстетику поверхностной и дешёвой. Гессе считает, что, в действительности, любое «я», даже самое наивное, – это не единство, а многосложный мир, хаос форм, ступеней и состояний, наследственности и возможностей; тело каждого человека цельно, душа – нет. Поэзия, по Гессе, оперирует мнимочельными и мнимоединными персонажами. Писатель считал, что единство личности является лишь «иллюзией» [211].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.